

Василий Брусянин

Одинокий Григорий



В стране озёр

Василий Брусянин
Одинокий Григорий

«Public Domain»

1916

Брусянин В. В.

Одинокий Григорий / В. В. Брусянин — «Public Domain»,
1916 — (В стране озёр)

«Длинные косые тени рябин ложились на мягкую сочную траву. Солнце припекло, и хотелось лежать с закрытыми глазами и слушать тихие, нежные напевы моря. Искрится море вдали и шумит, и так много в его шуме тайн. Не знаешь – обласкает оно или пригрозит гибелью. Лежу на морской отмели с заложенными под голову руками и смотрю в небо – ясное, тихое, ласковое... Не знаешь, не разгадаешь – что сулит небо, грозную ли бурю, ласку ли?..»

Василий Брусянин

Одинокый Григорий

Длинные косые тени рябин ложились на мягкую сочную траву. Солнце припекло, и хотелось лежать с закрытыми глазами и слушать тихие, нежные напевы моря. Искрится море вдали и шумит, и так много в его шуме тайн. Не знаешь – обласкает оно или пригрозит гибелью. Лежу на морской отмели с заложенными под голову руками и смотрю в небо – ясное, тихое, ласковое... Не знаешь, не разгадаешь – что сулит небо, грозную ли бурю, ласку ли?..

Финн Григорий Мекинен, которого я зову домашним другом, говорит, что боится моря, боится и неба. Родился он на морском берегу и боится моря... Странно это... Недавно Григорий рассказал мне печальный эпизод из своей юности, и я понимаю, почему он боится моря.

Когда Григорию было двадцать лет, у него была возлюбленная, которую звали Гильдой. Они любили друг друга и всё мечтали о том, когда разбогатеют и сыграют свадьбу. В те далёкие времена Григорий жил в городе и в родной деревне появлялся только для того, чтобы повидаться с Гильдой. Она жила батрачкой в имении барона С., скучала о своём возлюбленном, а когда Григорий приезжал, радостям Гильды завидовали её подруги.

И вот, как-то раз небо и море разрушили счастье Григория. Как два злых и неуловимых существа – море и небо – сговорились и в непогожий день погубили Гильду, и оставили Григория несчастным и одиноким на всю жизнь.

Случилось это в белую ночь под Ивана Купала, когда на берегу горели просмолённые бочки, а молодые люди – парни и девушки – танцевали, пели песни и парочками бродили по морской отмели.

Море беспокойно было, но никому не грозило бедой. Ходили по его челу зелёные волны, с белыми гребнями, но разве не часто «беляки» бороздят водную ширь? В тёмном небе мчались серые тучи, застилая свет белой ночи. Но разве это мешало праздничному веселью? Напротив, многие влюблённые парочки были рады: в белую ночь с хмурым небом под прибрежными соснами и ёлками лежат густые тени. Ложатся тени под деревьями и прячут от посторонних глаз пылкую вешнюю любовь.

В тот вечер Гильда была невесела. Точно не на праздник пришла она, а на похороны любви и счастья. Гильда ревновала Григория к белокурой и синеокой Айно, и ей казалось, что и её возлюбленный думает больше о синих глазах Айно и поглядывает в ту сторону, где в толпе веселящейся молодёжи развеваются белые длинные косы злой разлучницы.

Бродили они по морской отмели, а Гильда и говорит:

– Григорий, сядем в лодку и поплывём в море.

Посмотрел Григорий на волнующееся море и промолчал.

– Хорошо, когда мы одни, – сказала она. – Поплывём в море... Уплывём, Григорий, далеко-далеко и будем одни...

– А ты не боишься?

Гильда только усмехнулась. Как будто Григорий не знает, как она, дочь моря, плавает!

Поплыли Гильда и Григорий в море, весёлые такие и разговорчивые, особенно Гильда вдруг повеселела и всё просила Григория приналечь на вёсла, чтобы подальше и поскорее отплыть от берега.

А потом, когда они отплыли настолько далеко, что берег с кострами едва был виден, Гильда под села к Григорию, и начали они любоваться друг другом да целоваться вдали от людей. И никто не мешал их счастью, никто не посмеивался над ними, что случалось там, на берегу, где так зорко надо стеречь собственное счастье.

Далеко в синеве вечера горели костры на берегу, а Григорий ласкал Гильду и говорил:

– Отчего ты сердито смотришь на Айно?

– Боюсь, как бы она не отняла у меня моё счастье, – отвечала Гильда, и в её глазах мелькнула тревога.

«Зачем он заговорил об Айно? – подумала она. – Пусть мы забудем, что она есть на свете».

А Григорию сказала:

– Разлучница Айно... Разбила она счастье у лавочниковой дочки Матильды, разбила у неё счастье и себе не приберегла...

– Дурнушка ты моя, – сказал Григорий и сдвинул грудь Гильды так крепко, что та не посмела сказать больше ни слова.

Сидели они в лодке, сложив вёсла, а ветер с берега уносил лодку всё дальше и дальше... И костры стали маленькие, и берег синел едва заметной полоской...

Висело над ними туманное небо белой ночи. Высоко над головами проносились белые чайки. Спешили чайки к берегу на ночлег и так печально попискивали, точно устали или потеряли в море что-нибудь дорогое... Тёмно-серые волны с белесоватыми гребнями набегали на лодку и качали её на своих пологих гребнях. А они всё любовались друг другом, да целовались, и забыли совсем, что где-то там есть берег с людьми, до которых теперь ни Григорию, ни Гильде не было никакого дела...

– Буря будет, – вдруг почему-то сказал Григорий.

И как-то странно пугающе прозвучали его слова, шершавыми и колючими канатами вплетаясь в нежную и любовную речь Гильды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.